

СЕМЕН ЛАСКИН

«... ЗНАЧИТЕЛЬНЕЕ ИЛЬИ У МЕНЯ НИКОГО НЕ БЫЛО»

Илья Авербах в дневниках 1963-1996 годов¹

Публикация и подготовка текста Александра Ласкина

Илья Александрович Авербах (1934-1986) как-то сказал: «Я дружу с теми, с кем меня сводит судьба». Так возникали его дружбы – вроде как не по его воле, а по велению высших сил. С моим отцом, Семеном Борисовичем Ласкиным (1930-2005), он подружился в пятьдесят девятом году на военных сборах в Таллинне. Будущий кинорежиссер и будущий писатель только закончили Первый мед и имели звание младших лейтенантов запаса.

Вскоре стало ясно, что тут тоже существовала преопределенность. Об этом говорит то, что с течением времени отец все больше нуждался в приятеле. Впрочем, без него не могли обойтись многие. Выходило так, что в любых спорах и ситуациях именно он становился арбитром.

Поэтому Илья Александрович отцу казался старшим – хотя он прекрасно знал, что тот на четыре года его моложе (запись от 14.1.86). Видно, дело не в возрасте, а в ощущении своего права. В способности отличить правду от кривды и объяснить это другим.

Некоторые дружбы делают жизнь проще. Вот чего тут точно не было! Кому-то не нравилось, что Авербах знает и понимает больше всех, и они сходили с дистанции. Думаю, отцу тоже приходилось непросто, но он не роптал. Даже наедине с собой (то есть – в дневниковых записях) с ним соглашался.

Думаете, это вождизм? Конечно, занятие режиссурой некоторый вождизм предполагает. Чтобы снимать кино, следует увлечь оператора, актеров, ассистентов, администраторов... Если все они ощутят себя сотворцами, то тогда что-то получится.

Итак, профессия в данном случае становилась характером. Или, возможно, характер – профессией. Как это не называй, люди этой породы вечно недовольны данностью. Они требовательны не только к своей работе, но ко всему, в чем видят несовершенство.

¹ Фрагмент из готовящейся книги: Семен Ласкин. Одиночество контактного человека. Дневники 1953 - 1999 годов.

Режиссером Авербах стал до того, как начал снимать кино. Когда его имя впервые появляется в дневнике, ему чуть больше тридцати. За плечами - медицинский диплом и недавно законченные Сценарные курсы, но голос звучит уверенно. Почему-то сразу представляется, как он репетирует.

Режиссер ставит конкретные задачи, но имеет виду нечто большее. Ведь персонаж – это не только другой человек, но и сам актер. Тут не обойтись без того, что Станиславский называл «эмоциональной памятью». Когда исполнитель «вытащит» из себя то, что нужно для роли, то все и случится.

Вряд ли Авербах думал об этом. Возможно, интуитивно чувствовал в себе способность доводить ситуацию до такой точки, когда она окончательно проясняется.

На сей раз результат был удивительный. Отец вроде не рад тому, как его рассказ оценил приятель, а едва не тревожится. Может, неправильно писать так? По крайней мере, пока медицину бросать рано. Если перестанут печатать, то семью он прокормит (запись от 17.4.65).

А это Авербах «репетирует» с еще одним автором. Говорит (отец использует слово «учит»), что следует «быть стойким, писать в любых условиях...» И опять - реакция самая бурная. Чуть ли не вся жизнь проходит перед глазами (запись от 14.5.65).

Теперь ясно, что такое режиссура? Это когда подопечный понимает не только тебя, но и себя. Если это происходит, то кино выходит особенное. С непременным вторым смыслом. Кажется, герои заняты повседневным, а на самом деле их судьба стоит на кону.

Вот что главное в его картинах. Вроде обычные истории – и, в тоже время, пространство Самых Важных Решений. Впрочем, это ему удавалось не только на экране. Он мог просто сидеть, курить трубку, что-то комментировать, а обыденности как не бывало.

Почему при жизни приятеля отец оставил о нем свидетельств куда меньше чем об В. Аксенове или о Г. Горе?¹ Возможно, это связано с вышеуказанными обстоятельствами. Всякий раз это был не разговор о том-о-сем, а едва-ли не экзамен. Если даже он его сдавал, то отчитываться не спешил.

Зато после страшного одиннадцатого января восемьдесят шестого года, когда не стало Ильи Александровича, отец почувствовал острую потребность вспомнить о нем. Теперь он обращается к дневнику не только в связи с текущими событиями, но для того, чтобы рассказать о друге.

Прежде чем вы прочтете эти и другие записи, надо кое-что объяснить. Тем более что в этой дружбе у меня есть своя роль. Пусть это роль второго плана, но для этого

режиссера не существовало иерархии. В его фильмах даже персонажи фона хоть на один кадр становятся героями.

Как уже сказано, Авербах был человеком режиссирующим. Указывающим. Поправляющим. Но и играющим тоже. Наверное, в этом причина того, что он любил карты. Ради бриджа и преферанса не только не спал ночами, но и ездил на какие-то соревнования в Эстонию.

Кстати, карты не так далеки от занятий искусством. Во время игры время сгущается. Оно обретает такую плотность, которая возможна только на экране или сцене.

Да и его мечты об «экшене» тоже имеют отношение к азарту игрока. Авербах часто возвращался к истории заключенных, совершающих побег из концлагеря. Не помню, кто должен был играть француза и поляка, но в роли русского он видел Высоцкого. Если бы в восьмидесятом актер не умер, а фильм был бы поставлен, то какая это была бы работа! Тут актер рассказал бы о том, что такое рваться «из всех сухожилий».

Когда «экшен» происходил в жизни, это тоже не оставляло Илью Александровича равнодушным. Например, Никита Михалков между съемками другого фильма поставил «Пять вечеров». Заняло это меньше месяца. Дневник зафиксировал восторженное: «Американец!» (запись от 11.4.86). Так он оценил его умение распоряжаться временем – и успевать все.

Еще раз повторю: в Авербахе рядом с режиссером существовал актер. А, значит, были и роли. Судя по дневнику, еще на таллинских курсах ему понравилось изображать Белого офицера. Чем-то притягивали его эти люди, которые сперва исполняют свой долг, и лишь потом соглашаются погибнуть.

От игры в эстонском «кофике» - прямой путь к задуманной, но не осуществленной «Белой гвардии» (запись от 11.4.86.). Отсюда и дорога к солдатикам, которых коллекционирует герой «Монолога». Вспомним и любимую им песню о бумажном солдате. «Огня! Огня!», - это ведь и о реальных, и об игрушечных воинах, которые под насмешливую музыку О. Каравайчука собираются в поход.

Авербах и в жизни ощущал себя немного белогвардейцем, в чем, по свидетельству Натальи Рязанцевой², честно признался Виктору Некрасову. В киевский дом писателя попадали как на явочную квартиру, ответив на один, самый важный, вопрос. «Вы белогвардеец?» - спросил Виктор Платонович чуть ли не через дверь, и режиссер ответил: «Да»³.

Ну а что? Спина прямая, жест решительный... При всей своей демократичности и простоте общения Авербах разрешал себе высокомерие, оправдать которое могут только

родовитость и высокий чин. Боевые заслуги, наконец. К примеру, он говорил: «Ваше мнение мне неинтересно» - и отворачивался. Демонстративно переключался на что-то другое.

А это еще один пример «взгляда через монокль». Конечно, никакого монокля не существовало, но взгляд был. К нему примешивалось нечто ироническое, словно он говорил: все это не очень серьезно.

Помню, мой любимый институтский преподаватель выступил на обсуждении «Фантазий Фарятьева» и в чем-то усомнился. Упомянув об этом, Авербах сказал:

- Таких людей надо расстреливать.

Только так - коротко и сильно - выражаются поручики. Впрочем, его можно понять. Если пересказывать критику, то дойдешь до понимания и прощения. Какой тогда из него Белый офицер? Даже на Морского волка (об этой роли речь позже) он вряд ли мог бы претендовать.

Поручик – это еще и внутренняя независимость. Право думать так – и не иначе. В связи с этим вспоминаю разговор о Кирилле Лаврове⁴. Авербах сказал, что займет актера в «Объяснении в любви» - и нарвался на ироническую улыбку. Мол, знаем, знаем... Опять - приятный голос, хорошая выправка, ощущение своего особого положения. Теперь он так играет не только маршалов, но и солдат.

Авербах спорить не стал, а просто поставил собеседника в известность:

- Лавров – прекрасный актер.

Так же спокойно он говорил о Виктории Беломлинской⁵. Тут тоже нашлись сомневающиеся, но он сразу заставил их замолчать.

- Вика пишет замечательные рассказы.

Во время съемок «Объяснения в любви» начался (и вскоре закончился) его роман с популярной иностранной актрисой. Все гонорары уходили на телефонные разговоры. Неизвестно, как бы события развивались дальше, если бы ему не закрыли выезд за границу (запись от 14.10.86).

Когда он пошел в соответствующий отдел, ему все по-отечески растолковали. Все же талантливому режиссеру следует быть осторожной. Не хотите же вы, чтобы ее муж ударил вас палкой по голове?

Для Белого офицера, которым, как сказано, ощущал себя Авербах, это было двойное унижение. Мало того, что запретили, но сунули нос куда не надо. Он, конечно, понимал, что телефоны прослушиваются, но тут примешивалась забота о клиенте. Вроде как желание облегчить ему жизнь.

Пора сказать, что у Белого офицера был брат. Чем-то они походили друг на друга, но при этом никакой идеологии. Назовем этого героя Бывалый. Все же моряк! Даже капитан! Трубка, которой режиссер все время попыхивал, очень шла как ему самому, так и этому персонажу.

Однажды Авербах решил познакомиться со студенткой, учившейся на соседнем со мной курсе. Причем представился не режиссером (это было бы слишком просто), а старым морским волком. Он утверждал, что только что с корабля и через день опять уходит в плавание. Барышня (любимое Авербахом слово) едва сдерживала себя, чтобы не спросить о том, что он сейчас снимает.

Так – играя то в одно, то в другое, а то и просто в карты – Авербах отдыхал от кинематографа. Впрочем, самой большой радостью он называл возможность прийти домой, растянуться на диване, включить торшер - и читать.

Читал Авербах постоянно. Причем явно опережал в этом друзей. Едва ли не одним из первых оценил Фридриха Горенштейна⁶. Восхищался его романом «Псалом». О спорах писателя с Достоевским говорил так:

- Я прямо вижу как он – клок за кломом - сдирает с Достоевского бороду.

Так отец и их общий приятель Фридрих Скаковский⁷ слышали о Горенштейне. А вот о таком явлении как Бродский узнали отец и я. Случилось это во время разговора в его машине. Уже не помню, куда мы ехали, но один момент запечатлелся точно. Могу даже назвать место, где «жигули» остановились на зеленый свет. Это был угол Садовой и Ракова. Тут-то он и сказал, что получил на несколько дней том машинописного собрания сочинений Бродского. Мы вяло поинтересовались: «Ну как?», а он сказал, что это великий поэт.

Никогда прежде я такого о Бродском не слышал. О суде и ссылке разговоры доходили, но чтобы кто-то называл его великим! Да и вообще о современниках в таком тоне не говорят. Вот если бы он жил в начале двадцатого, а еще лучше – в девятнадцатом веке, то это бы никого не удивило.

Одно время Авербах был увлечен Анатолием Кимом⁸. Всем советовал читать его «Луковое поле». Утверждал, что это очень хорошо написано: «Может, два-три лишних слова на страницу есть, но не больше».

Или он говорил о том, как оказался в гостях, где весь вечер стол «держал» Радзинский⁹. Тогда это был не человек из телевизора, а только известный драматург. Впрочем, его экранное будущее Авербах предсказал, сказав о том, что «Эдик – гениальный рассказчик».

Следует упомянуть о внешнем облике. Тут тоже чувствовалась режиссура. Вспомним вечную сумку на плече, в которой якобы ничего не было (запись от 14.10.86.). Не забудем трубку и модные свитера. Конечно, этот имидж создал он сам, но тут была предыстория.

Представьте его отца, Александра Леоновича¹⁰, выпускника коммерческого училища, сына председателя Рыбинской еврейской общины, чья жизнь кардинально меняется. Он приезжает в Ленинград, женится на актрисе Тамаре Глебовой¹¹ и знакомится с друзьями ее сестры - художницы Татьяны¹². Вот вся компания на картине «Дом в разрезе», написанной Глебовой и Алисой Порет¹³. Тут и Филонов, и Хармс, и Олейников, и Юдина... А это сам Александр Леонович. В уютном халате - совсем по-домашнему – он сидит во главе стола.

Всякий, кто писал об Авербахе-режиссере, непременно упоминал о его принадлежности к петербургской культуре. Остается уточнить, что речь не обо всей культуре, а об одной ее ветви. Прежде всего, - через отца и его окружение - он чувствовал причастность к тому искусству, которое творили гости и обитатели «Дома в разрезе».

Еще на таллинских курсах Илья Александрович удивлял друзей любовью к раннему Заболоцкому и поэзии обэриутов. Никто из его сверстников-медиков этого не знал, а он наизусть читал Хармса, Введенского, «Солбцы».

Можно считать, что его трубка, свитера и сумка – наследники по прямой хармсовского котелка и монокля, серой мягкой шляпы и кашне Шостаковича, тонкой кизиловой трости юного Козинцева. Окажись Авербах рядом с ними, он выглядел бы как «свой». Не только потому, что это тот же уровень, но из-за того, что тут была игра.

Случалось, Илья Александрович ничего не изображал. Тогда он говорил очень серьезно – словно не окружающим, а себе.

– Человек, увидевший, что может возникнуть из пучка света, - как-то сказал он, - навсегда заболевает этим искусством.

Или, к примеру, укорял отца и Фреда Скаковского:

- Как вы можете так несерьезно говорить о кино!

Вот мы и перешли к немного другому Авербаху. К человеку, удивлявшему не столько позой и жестом, сколько поступками. Вернее, внутренним соответствием того и другого.

В дневнике есть два подтверждающих это примера – в первом случае он защищает друга, а во втором себя. Буквально вскипает от того, что человека помещают в рамки – и заранее определяют его роль.

Несправедливо, когда тебя считают врачом – и только врачом (запись от 6.3.86.). Столь же обидно, когда ты – режиссер, но этого оказывается недостаточно для того, чтобы покупать хорошие книги (запись от 14.4.86).

Отсюда и доходящая до мании щепетильность. В конечном счёте, речь о том, что имел в виду Арсений Тарковский, сказавший, что «точная рифма – это моральная категория». Мол, если речь о чем-то важном, то изволь не рифмовать кровь с любовью. Или, к примеру, не ложись на диван, положив ноги на подушку.

Так делала героиня спектакля ленинградского театра Комедии по отцовской пьесе «Акселераты». Правда, происходило это ближе ко второму действию. Поэтому поначалу Авербах был настроен благодушно. Сидя рядом с автором, с интересом смотрел, часто смеялся. Как вдруг такое! Это было все равно, что неправильное ударение в слове «творог».

С этими ударениями – особая история. Тут его вообще ничего не сдерживало. Русский язык он защищал так же как Белый офицер свой плацдарм. Или как Белый офицер - родную речь. Нет, чтобы не обратить внимание! Не только отчитает, но потом припомнит.

Словом, - повторим еще раз! – «неточная рифма – это моральная категория». Как и неправильная мизансцена, сомнительный поступок, ошибка произношения. Сталкиваясь с чем-то подобным, Илья Александрович сразу взрывался.

И это он – с его чувством меры и вкуса! Нет - гремел и бушевал (запись от 14.10.86). Кстати, в его фильмах отношение к скандалам сложное. Кажется, он рассчитывает на эти пики. Точно знает, что пройдя через них, герои заново осознают себя.

К примеру, в начале «Монолога» академик Сретенский - человек достойный, но как бы остановившийся. Пребывающий в футляре одинаковых интонаций и оборотов речи. Вскоре жизнь поворачивается так, что он просто не может не измениться.

Или учительница в «Чужих письмах». Еще одна учительница в «Фарятьеве». Внучка Сретенского в «Монологе». Выходило, что каждая из героинь оказывалась больше самой себя. Поплакала, покричала – и себя не узнала.

Уж если мы заговорили о чуткости к мелочам, иначе – о внутренней тонкости, то следует сказать о музыке. А уж раз речь о музыке, то надо вспомнить самого важного для него композитора Олега Каравайчука¹⁴.

Эта история позволяет не только живо представить Авербаха и его соавтора, но кое о чем пожалеть. Сколько раз Илья Александрович поправлял, вносил ясность, объяснял

подлинный смысл! Так вот даже он – самый требовательный и справедливый, режиссер не только кино, но самой жизни - мог ошибаться.

Сперва, впрочем, о Каравайчуке. Композитор был не просто странным, он был инопланетянином. Будучи не таким как все и этого ничуть не скрывая, он в тоже время вел себя чуть-ли не церемонно.

Родители снимали комнату в Комарово недалеко от его дачи, и поэтому каждое лето я наблюдал этот спектакль. Сперва поклон, затем вздернутый подбородок и, наконец, улыбка... Он вроде как отрывался от звучащей внутри музыки, а потом вновь в нее погружался.

Носил Каравайчук одно и то же - длинный коричневый свитер, старые брюки, большие черные очки. Волосы укладывались под столь же неизменный берет, но несколько самых непокорных прядей все же падали на лоб.

Ему можно было дать и четырнадцать, и шестьдесят. Голос ломкий, как у подростка, а лицо сморщенное... Словом, если вы искали человека неотсюда, то вряд ли найдется более характерный пример.

Авербах приехал в Комарово заказывать музыку к «Драме из старинной жизни». Сперва зашел к нам, и мы отправились к Каравайчуку. На даче сказали, что Олег Николаевич пошел на почту.

Приходим на почту, а там наш знакомый инопланетянин. Авербах стал говорить о Лескове, о «Тупейном художнике», а, главное, о том, какая ему нужна музыка. Когда он сказал, что ему слышатся роги, композитор взмахнул руками. Кажется, в эту минуту его осенило.

- Я уже пишу, - едва не закричал он и буквально побежал.

На следующее утро отец встретил Каравайчука. Он был совершенно спокоен, словно музыка внутри него не плескалась, ища выхода, а окончательно улеглась.

На сей раз он не ограничился поклоном и вздернутым подбородком.

- Я уже все сделал, - сказал Олег Николаевич и, не дождавшись оценки, заторопился дальше.

Это плодотворное сотрудничество закончилось после «Голоса». Не только потому, что композитора Ромашкина Сергей Бехтерев¹⁵ играл таким же по-детски вспылчивым, а звали его героя тоже Олегом. Главное, что Каравайчук вроде как присутствовал в кадре, а за кадром звучала музыка другого автора.

До Авербаха дошла фраза:

- Как он мог показать меня без моей музыки!

Думаю, прежде всего, речь шла об одном моменте. Когда герой Бехтерева берет в руку дирижерскую палочку, то странность куда-то испаряется. Если бы еще это была музыка комаровского гения! Тогда бы стало ясно, что странен он только для других, а для себя сосредоточен и собран.

Уже никто не объяснит - почему Авербах так поступил. Можно только сказать, что странные люди его притягивали. Сколько их в его фильмах – кроме Ромашкина, назовем хотя бы Филиппка и Фарятьева. У всех отклонения проявлялись по-своему, но, наверное, в этом и проявлялась их индивидуальность.

Да и в его жизни таких персонажей хватало и помимо Каравайчука. Из самых ярких мне вспоминается Фаина Георгиевна Раневская, с которой у Ильи Александровича сложились хорошие отношения. Возможно, тут был план, связанный с ее участием в следующем фильме, но скорее всего он просто получал удовольствие. Уж очень привлекателен этот человеческий тип.

Доказательств сколько угодно. Хотя бы история о том, как она подарила ему французский альбом. В те времена подобное издание было событием не меньшим чем поездка в Париж. Так оно, по сути, и было: невиданное качество печати приближалось к непосредственным зрительным впечатлениям.

Раневская показывает альбом Авербаху. К сожалению, я не помню художника. Предположим, Марке. Режиссер восхищается, а потом говорит:

- Как я его люблю!

Фаина Георгиевна отвечает:

- Тогда я вам альбом подарю.

Илья Александрович растерян, но, как выясняется, это еще не вся радость.

- Правда, тут есть вещи, - продолжает Фаина Георгиевна, - без которых я не могу жить.

Она берет в руки альбом – такой весь прекрасный, а, главное, только что из Парижа. Прямо как тот «суп в кастрюльке», о котором говорит Хлестаков.

Некоторое время ищет то, что нужно. Затем – хрясь! – выдирает страницу. Так она проделывает раз пять - и тогда передает книгу Авербаху.

Что это было? Желание оставить память о себе? Попытка хоть немного снизить пафос? Как не отвечай на этот вопрос, очевидно, что альбом живописи стал поводом для акции. Если угодно, перфоманса.

Теперь поговорим о последнем периоде Авербаха. До его ухода оставалось несколько лет – и картина «Голос». Был еще фильм о Ленинграде «На берегах пленительной Невы», но это лента документальная.

«Голос» рассказывает о том, что человек оставляет после себя. В данном случае итоги двусмысленны. Снятая героем Леонида Филатова¹⁶ производственная «вампука» переполнена советскими штампами. Трудно связать эту ходульную работу с той прекрасной молодой женщиной, которая только что жила рядом.

К девяти лентам Авербаха (число, близкое к семи с половиной фильмам Тарковского!) и двум неосуществленным, надо прибавить театральный замысел. Свидетельствую: в последние годы режиссер планировал завоевание соседних территорий. Так что мы лишились не только фильма по Булгакову и «экшена» о войне. Столь же важно, что мы не увидели его спектакля.

В начале восьмидесятых я работал завлитом ленинградского Молодежного театра, который возглавлял Владимир Малыщицкий¹⁷. Авербах этому коллективу симпатизировал. Посмотрев весь репертуар, он вдруг заговорил о том, что хотел бы что-то поставить. Наконец, определился с названием. Его выбор пал не на пьесу, а на переписку Белого и Блока.

Спектакль по письмам – это что-то вроде кино. Ясно, что тут будет преобладать крупный план. Впрочем, не только это соединяло театральный замысел с фильмом по булгаковскому роману. Обе работы должны были рассказать о людях, которых уже нет и которые вряд ли еще родятся.

Спектакль не состоялся – у Малыщицкого начались неприятности и, в конце концов, его «ушли». От этих планов и разговоров в памяти осталась картинка – вытянув ноги, режиссер сидит на диване в закутке за сценой и вглядывается в проходящих мимо артистов. Возможно, прикидывает - кто у него будет играть.

Осталось сказать о самых последних месяцах. Вернее, кое-что добавить к тому, о чем написал отец. Незадолго до поездки в Карловы Вары они с Авербахом ходили к художнику Михаилу Карасику¹⁸. В коммунальной квартире, где он жил, в коридоре стоял «Ундервуд». Машинка находилась еще здесь, но явно по пути на помойку.

Перед этой машинкой Авербах едва не застыл. Вот что он искал для «Белой гвардии»! Вряд ли роль предполагалась значительная, но, как уже сказано, для него не существовало ничего неважного.

Следующий сюжет будет о предмете еще более несерьезном. О глиняных горшочках. Моя мама говорила, что по размеру они должны быть не больше фаланги

пальца. В течение нескольких десятилетий ее собрание этих мелких вещей разрослось настолько, что заняло все стены на кухне.

Не буду настаивать на том, что Сретенский из «Монолога» подражал моей маме, но Авербах явно сочувствовал ее увлечению. Как мог, пополнял коллекцию. Это было не просто прежде всего потому, что требования предъявлялись серьезные. Новые экземпляры должны были отличаться от тех, что уже имелись в собрании.

Как рассказано в дневнике, Авербах что-то привез не только из Мексики, но из последней поездки в Карловы Вары (запись от 11.4.86). Уже никто не скажет, какие кувшинчики – те самые. Впрочем, дело не в конкретике, а в жесте. В том, что можно тяжело заболеть – и, в тоже время, помнить о самых мелких своих долгах.

Каждому по-своему видится его уход. Одному напоследок досталась фраза, другому - выражение лица. Мы получили эти горшочки. Хотя они растворились в домашнем космосе, но не исчезли, а навсегда остались предметом гордости и главным капиталом.

Какой из этого следует вывод? Он был, как говорилось, решительным – и, в тоже время, трогательным. Чаще всего бывает или одно, или другое, но у него эти качества сосуществовали.

Наверное, на этом следовало бы закончить предисловие, но я все же продолжу. Тем более что запись от 22.3.91 появляется вдогонку воспоминаниям об Авербахе.

Это Илья Александрович просил отца познакомить с Гором своего друга Леннарта Мери¹⁹. Впрочем, главное то, что текст связывает две эпохи. Ту, в которой жил режиссер, и другую, в которой его непоставленные фильм и спектакль о людях Серебряного века могли иметь настоящий успех.

Вроде бы заодно вспомненный Леннарт Мери это подтверждает. Можно ли было представить, что скромный редактор таллиннской студии станет первым президентом независимой Эстонии?.. Начиналась эпоха «экшена», самых неожиданных событий и поворотов, - как мы помним, Авербах мечтал об этом жанре, но тоже не успел.

Александр ЛАСКИН

16.8.63. Пришел Илья Авербах – милый человек, простой. Настроение приподнятое. Разрыв с китайцами²⁰ как-то обрадовал всех, а тут еще подписание соглашения о запрещении ядерных взрывов²¹. Появилась вера в то, что наступают по-настоящему демократические времена.

Илья завтра едет в Москву, где он учится на курсах киносценаристов. К нему относятся как к человеку очень талантливому, а он действительно талантлив, хотя пока трудно определить степень. Худой, высокий, нервный, вечно с желваками на скулах, ..., с обрывистой речью. Что он сделает в кино? В литературе?²² Что мы все сделаем в жизни – сказать трудно...

7.4.65. Вчера Илья Авербах читал мой рассказ «Возмездие» или «Неплохой человек»²³. Илья говорит: рассказ есть. Но я, видимо, взялся за самое сложное – за психологическую прозу, - а это очень трудно. Очень! У меня во время разговора с ним возникло, как открытие для себя – «А ведь я подхожу к самому сложному. Дорос ли я до задачи исследования человеческой психики? Могу ли я писать без плоскостных решений, а так как в жизни?» Потом я подумал, что начинается самое страшное: меня вновь перестанут печатать, как ребят из объединения, которые форсировали беллетристику, подошли к психологической прозе, но ею не овладели²⁴. А ведь назад, к повести²⁵, я не поверну.

Не рано ли я собрался уходить с работы? Что меня ждет? Что?

Нужно еще несколько лет, чтобы понять главное в этом этапе. Но для этого нужно читать, нужно время. Заколдованный круг!

14.5.65. Два дня назад у меня были Илья Авербах и Алик Коробов²⁶. Илья учит Алика быть стойким, писать в любых условиях, а сколько трудностей – не замечать. Не понимает Илья – Алик тоже раб. Он думает, как я: как я прокормлю семью... Ему неловко перед ребятами – они уже начальники, кандидаты, а он никто. Это было и у меня. Мы споловиненные люди. Нас разрывают слабости. Мы от них гибнем. Казалось бы, плевать я хотел на науку, на начальство, ан нет... Заработаю на случайных дежурствах лишнюю десятку – рад, хотя думаю, что это мне ни к чему. Мне нужно писать, писать. Мне нужно делать книгу взрослых, детских рассказов. Написать маленькую повесть. Черт знает, какие должны быть у меня планы, а я трушу. Упускаю время.

Ласкин, остановись! Слабости тебя уничтожат.

24.9.65. ... опубликована рецензия на мою повесть²⁷ в «Ленинградской правде», написал Борис²⁸. Илья Авербах вчера сказал: «А я не сомневался, что это не ты организовал». Но в голосе было слишком много «доброжелательности». А правильно ли

было ждать? Борис прав – друзья должны перебивать дорогу недругам. Все остальное снобизм – ведь Борису повесть понравилась, это точно.

25.12.65. Был очень сильный и стыдный разговор с Ильей Авербахом. Дал ему прочесть рассказ «Преодоление»²⁹. Рассказ резко не понравился, даже раздражил его. Рациональными и очень правильными были его упреки.

- Ты не хочешь учиться, - говорил он. – Разве можно так писать? Ты уходишь от своей темы, от материала, от того, что понравилось в «Деве Марии». Ты пишешь кошмарные фразы. «Комната была обставлена со вкусом». Разве это литература? Это пустоты, провалы. Нули.

Все правильно. Я остаюсь легкомысленным. Не додумываю, какие бы не писал лозунги в дневнике. Так будет и с романом³⁰. Я взялся за полотно, а рассказы писать еще не научился.

17.12. 67. А «Идиот»³¹, который сегодня окончательно закончил, послал в «Неделю». «Идиот» вышел, мне кажется, отлично. Душа поет от общих похвал. Авербах считает – это лучший мой рассказ.

5.5.75. Показал Авербаху заявку «7 пятниц». Умные, толковые замечания и вопросы, на которые я при своем уме недисциплинированном не могу ответить, тупею, хотя и знаю, насколько это было бы важно.

О чем фильм? О любви? Этого мало. А, может, о том, что люди остаются людьми, хотя рушится природа. А, может, о том, что все это маски на нас – истинное лицо каждого скрыто.

Авербах зовет к сложным решениям. «Вот и в твоей «Лестнице»³² постоянная тяга к легким ходам, однолинейным и банальным. Нужно искать то из-за чего станет интересно».

Да, я забываюсь, мне вроде легко. Мозг отключен, работают пальцы.

30.8.69. Сажусь за роман³³. Из замечаний И. Авербаха:...

Лицо повествования – это обязательно:

- а). Поток сознания.
- б). Рассказ как рассказ.
- в). Дневник (разговор с собой).
- г). Рассказ из настоящего в прошлое – как собеседнику.

Нужно знать сразу форму. Камю («Падение») очень точный адрес собеседнику (а). Это создает стилистическую точность.

У меня – вроде дневник (в), вроде рассказ (б).

14.1.86. Одиннадцатого января умер Илья Авербах. Это было как гром среди ясного неба. Болел в Москве, я звонил еженедельно, Наташа³⁴ отвечала – дело к выздоровлению. И вдруг...

Мы 5-6 октября были вместе, ходили в Лавку за книгами – он уезжал в Карловы Вары. По дороге мне показалось, что он пожелтел... Думали – вентильный камень³⁵. Потом были две тяжелые операции.

Рассказывали, приехала Машка³⁶ – ее впустили на секунду, Илья держался отлично, а потом жутко плакал.

Из моих друзей это был самый значительный и самый порядочный человек, бесспорно. Он был много выше всех остальных и, пожалуй, старше намного меня до последнего времени. Как-то я никогда о нем не писал, не думал – так было обычно, что жили рядом... И вот – смерть.

5.3. 86. Недавно на столе редактора увидел дневники Евг. Шварца³⁷. И поразился его мудрости – пишет каждый день, ставя перед собой задачу раскрыть чье-то имя, биографию. Вот и у меня – Илья Авербах. Недавняя смерть, были с Фредом³⁸ у мамы Ксении Владимировны³⁹, а позади двадцать пять лет дружбы. Почему бы мне для себя не написать все общее наше прошлое, его портрет.

Он тут выступал по телику, а старуха говорит: «Я обрадовалась, когда его увидела. Вот он, Илюша. В рубашечке с короткими рукавами, такой живой».

У меня замерло сердце. Я смотрел и думал о ней – не смотрела бы, не переживет.

И еще она сказала, когда я вспомнил о брате Ильи Николае⁴⁰:

- Что вы, Сеня, ничего же общего. Это неизмеримая разница. Ничего. Ничего.

... Странная смерть. Иногда хочется позвонить. Действительно, самый значительный и разумный из всех моих знакомых. У одного увеличивается желчность, злость, а у Ильи увеличивалась мудрость. Яшка Багров⁴¹ сказал, что Илья чем крупнее, тем проще стал, значительнее. Это так и было.

Конечно, он был неудачник в личной жизни. Сейчас Наталья полна достоинства – безутешная вдова, а ведь он последнее время считал ее (так чувствовалось) доброй знакомой⁴². «Она ненавидит мою мать, я не знаю, что делать».

Прошлое наше огромно, наверное многое бы вспомнилось, если бы писать. Голос в ушах звучит: «Моя фамилия Авербах» - это по телефону. И его слово: «Прелестно!» - это вспомнил Леша Герман⁴³.

И его гнев помню, когда он увидел на сценарии рядом с моей фамилией – фамилию Ребров (Рябкин скрылся за псевдонимом)⁴⁴.

- С кем ты вступил в соавторство?!
- Какая разница?!
- Что значит разница? Это какое-нибудь говно. Это Рацер и Константинов⁴⁵ или того хуже – Рябкин.

Он понял, что попал в десятку, сказал:

- Ты должен беречь свое имя.

Он был горд и достоин! Я сказал как-то:

- Мы непрофессионалы.

- Я профессионал, - разозлился он, - профессионал!

Теперь я – вслед за ним – отстаиваю свою профессиональность.

- Я профессионал, - говорю часто.

Продолжение дальше. Попробую как у Шварца: «Мы познакомились в институте, но я запомнил его в квартире на Моховой. Собрались Рейн⁴⁶, Коробов⁴⁷, Илья. Рейн читал стихи о дожде. Потом были сборы в Таллинне....

6.3.86. Рейн читал стихи о дожде. Он рокотал, вибрировал, ниспровергал. Я помалкивал, я легко комплекую, Рейн часто меня подавлял, пока я не привык к нему, не стал чувствовать, что в нем много шутовского.

Но тогда Илья гордился Рейном. Он его почитал, называл поэтом, считал значительным, что, пожалуй, и подтвердилось.

Когда в 1984 году вышла книжка Рейна, Илья мне сказал:

- Я плакал.

Это показалось странным – плачущего Илью я не представлял.

Но друзей он любил, был справедлив, очень. Когда мы начинались, то как-то я оказался в такой компании – Аксенов⁴⁸, Иосиф Бродский, Илья, Толя Найман⁴⁹. Говорили о стихах. Я имел неосторожность хорошо сказать о «Гойе» Вознесенского. Я даже учил это стихотворение наизусть.

Найман сказал:

- Сеня, ты бы не говорил о поэзии. Ты в этом ничего не понимаешь. Я же не лезу в медицину.

Илья затрясся.

- Я набью тебе морду, - сказал он.

Почему-то вспоминаю его у нас дома, сравнительно недавно, осенью 1985 года. Приехал Иосиф Герасимов⁵⁰ с внуком Денисом. Говорили о предстоящих переменах, был

светский застольный разговор, пока инициативу не взял Денис. Он – маленький, безусый, почти дитя, хотя ему лет 14 – стал рассказывать о мутациях, о биологии.

Илья смотрел на Дениса восторженно, потом сказал:

- Я слушал его и думал: это же эпизод для кино! Снять бы и спрятать. Пока не знаю – зачем, но пригодится наверняка.

Мы подружились на сборах, хотя были ближе с Фредом. Помню, нам была смешна его уверенность в себе. Он говорил, что в кино сможет многое...

Приехали Рейн с Галей⁵¹. Они с Ильей сели друг против друга – и говорили о литературе.

- Ты сколько написал?

- Четверостиший двадцать.

- Это много.

Мы хохотали – тем более, что это было неправдой, на сборах Илья не писал.

11.4.86. ... Он был трезвее и взрослее нас всех. Помню, я что-то наивное говорил о своей работе, о литературе. Он резко оборвал:

- Ты уже пожилой человек, а говоришь...

Я засмеялся. Я не чувствовал себя даже очень взрослым, а он так определил мои сорок пять. Только сейчас, когда бывает худо, я начинаю думать о старости и даже о смерти. Но тогда...

...К дружбе Илья относился серьезно, но когда я сказал, что наш общий приятель ко мне несправедлив, развел руками:

- Вы разошлись!

- Но мы не ссорились!

Он не хотел слушать объяснений, ему явно неприятно было знать причины обид. Морщился, если приходилось, почти страдал. Потом повторял:

- Вы разошлись. И тут ничего не поделаешь. Разошлись – и все.

Так он сам разошелся с Аксеновым, никогда о нем не вспоминал⁵².

Кумиров не делал, не имел, не признавал. Но кого-то уважал как высокого профессионала. О Михалкове, помню, сказал:

- Американец!

Личной жизни у Ильи не было начисто. «Барышни» не застревали в сознании. Он иронично на них смотрел – и отбрасывал... Фактически быта не было. Работа, работа, друзья...

Деньги отчего-то у меня не одалживал, а у других бывало. Даже у Кунина⁵³, которого не очень любил. Видимо что-то чувствовал во мне в этом смысле неуверенное – я зависел вечно от Оли⁵⁴, от дома.

Говорил как бог. Четко. Умно. Высоко. Я вел его вечера дважды в Доме писателя. Он показывал «Объяснение в любви» и «Фарятьева». Потом в Доме композиторов слушал его перед показом «Ленинграда»⁵⁵.

И тут был крут, бескомпромиссен. Назначили - или сам пригласил - Пиотровского⁵⁶, тот стал наставлять на съемках Выборгской стороны, революционных памятников и мест. Илья порвал с ним, выкинул из консультантов. Я защищал старика, но это вызывало раздражение.

Последняя его страсть – Булгаков, «Белая гвардия». Читал все. Думал. Переписывал сценарий. Добился двух серий, отказался от Мексики⁵⁷.

«Белая гвардия»: честь, совесть, порядочность, высокая нравственность – вот главное для него.

Мы играли в Белую гвардию, сидя в Таллинне в кофике, держа рюмку бенедиктина и называя друг друга поручиками.

- Надо что-то делать! – говорил Илья. – Так дальше нельзя.

Жлобов не терпел. Про одного такого сказал:

- Ненавижу.

И ненавидел до колик, до спазмов мышц лица, до злобы. Сжимал кулаки – был готов драться.

Саша Галин⁵⁸ с ним говорил обо мне. Илья сказал:

- Сеня – мой друг.

Я действительно был его другом, но Оля только в последние годы поняла насколько он порядочен и честен.

Из Мексики привез ей горшочек, а, умирая в Карловых Варах, тоже купил ей какие-то кувшинчики. Он был нежен, трогательно нежен, черт побери.

Я плачу – после родных это одна из самых значительных потерь в моей жизни. Значительных еще потому, что значительнее Ильи у меня никого не было.

14.4.86. Как оказывается трудно вспоминать о человеке, которого близко знал и любил. Чувствуешь, что не хватает его постоянно, но вспомнить и рассказать есть не так много.

Он очень хотел бывать в Лавке писателей – любил книги, покупал помногу. Я в конечном итоге ввел его и подружил с Ларисой и Софьей Михайловной⁵⁹, но вначале

никак не мог этого сделать, так как пошел официальным путем. Тогда оргсекретарем была Подрядчикова, нынешний директор Лавки, а тогда - генерал-дама⁶⁰.

Мы взяли ходатайство у киношников и пришли к ней. И вдруг она резко, оскорбительно отказала.

- Не разрешаю!

Илья сжался, был оскорблен.

Сказал:

- Зачем ты меня сюда привел?!

Я был более чем расстроен. Он, видимо, почувствовал, что я очень горюю, стал меня утешать. Оказалось, что и тут он сильнее меня. Умел ерунде не придавать особого значения.

Потом эта ситуация разрешилась сама собой. Он пригласил Ларису в Дом кино, посидели в ресторане, - она очень к нему расположилась.

16.04.86... А вообще грущу, вокруг никого, одиночество очень контактного человека. Каждая смерть – сразу брешь, и ветер из нее пронизывает насквозь. Что говорить об Авербахе?!

10.5.86. Показывали как-то передачу о Месхиеве⁶¹. Сидел Авербах, как дома обычно – поджарый, в рубашечке, на скулах – желваки, сильные руки спортсмена. Говорил хорошо, с привычными интонациями, знакомые его слова – «прелестно» через «э».

Через несколько дней мы были с Фредом у Ксении Владимировны, она сказала:

- Так было приятно смотреть на Илюшу, он такой живой...

Это было страшно. Куда-то в старости исчезают эмоции. Мать радуется, видя мертвого сына, его изображение.

Я онемел.

20.7. 86. Сегодня ночью отчего-то вспомнил, как Илья читал первый вариант моей «Боли других»⁶². Сказал: нужно работать еще и еще. Я с ужасом спросил:

- Сколько работать?

- Год, а, может, и два.

Я от страха даже задохнулся. Как это может быть? Я ведь уже написал, а оказывается, вроде бы и не начал повести.

Потом мы пошли по Фонтанке – мы жили на Ракова – и Илья говорил о Достоевском. Я тогда – это был год 61-62-й – видимо и не читал всерьез Ф.М. «Вот у кого есть концепция жизни, - говорил он, - а у тебя ее нет».

Я не понимал, отчего это у меня нет концепции. И зачем концепция? Он шел с опережением, в нем была культура.

Вчера в «Энциклопедии кино» прочитал о нем короткий абзац, но все же абзац, и очень к тому же заслуженный им.

Как жаль! И как больно и нелепо! Человек должен был сделать главное, но не успел. Мы начались в тридцать, даже в тридцать четыре, но он был сразу более зрелым.

14.10.86. Была по телику передача об Илье⁶³. Наталья Рязанцева, Герман, Аранович⁶⁴ и другие. Я пытался по ассоциации вспомнить разное и вспоминал свое, но сильной искры не высекалось – все же слишком мало многие выступавшие его знали.

Леша Герман вспомнил сумку на его плече, чуть перекошенном от легкой тяжести, - «птичья походка». Впрочем, походка была обычная, но с сумкой он действительно не расставался, и я не уверен - лежало ли в ней хоть что-либо.

Аранович говорил о том, что Илья был наставником. Да, он меня часто понукал, поправляя ударения в словах, напоминал о возрасте. Он первый в моей жизни сказал, что я уже старый человек и так – ребенком – жить невозможно.

- Я? Старый?

И сейчас помню свое резкое удивление. А затем смущение и подчиненность его выводу.

Он обожал учить, если считал, что другой исправим. Учил стихам, произношению, правилам поведения, но это не значит, что он был занудой. Нет, он был естественней и значительней – куда значительней, чем мы.

- Ты с ума сошел! – говорил он мне, когда я не дарил ему свои пушкинские работы⁶⁵. И я торопливо дарил – мне становилось стыдно.

Благодарен он был удивительно, как и честен. Илья всегда был выше мелочей, выше ссоры.

О профессионализме я уже писал – он придавал профессионализму (своему и чужому) самое большое значение.

Взбешенным я его видел раз, когда его унизила Марина Ивановна⁶⁶... Кричал он на мать, она его иногда раздражала, но он очень ее любил.

Клепиков⁶⁷ сказал: «Он был разнообразно одарен, но полной воплощенности достиг в кино». Да, он писал стихи, играл на гитаре, пел, когда все пели, когда возникал Окуджава, писал спортивные очерки, был спортивным журналистом (и всю жизнь читал, покупал книги о спорте), знал музыку, но выразился полностью только в кино, в нем достиг полного профессионализма.

Говорили, что в его кино есть холодность, незмоциональность. Но нет! Это была не холодность. Я уходил взволнованный даже с «Хроники крепостной жизни»⁶⁸, которую он отрицал сам. В его фильмах была сдержанная страсть, - да, и страсть! А эпизод с Макеевым потрясающий, самый страстный⁶⁹. Но кроме того, была в нем и в его фильмах чистота интеллигентности – это был путь к «Белой гвардии», он шел к ней и в «Монолог», и в «Объяснении в любви», и в «Чужих письмах».

... Ревности в нем не было совершенно. Даже людей, которых он должен был бы считать чужими, таких, скажем, как Михалков, он уважал.

- Это американец!

Как он восхищался натюрморты в фильмах Тарковского!

Помню его бешенную любовь с польской актрисой – потом все угасло. Но в тот момент он часами говорил с ней по телефону, проговаривал огромные деньги.

Дома у него была под стеклом фраза Феллини: «А с чего ты взял, что тебе должно быть хорошо?»⁷⁰.

Хорошо ему было не часто, а когда все же бывало хорошо, то только тогда, когда он добивался чего-то в искусстве. Так было и в последний раз, когда он отказался от Мексики, предпочтя ей «Белую гвардию», но не успел ее снять.

18.1.87. Не помню, записывал ли я о вечере в «Октябрьской» у В. Аксенова в номере, где Бродский читал, словно раскачивая здание, свои стихи. И тогда на его канторское картавое чтение-декламацию вбежала горничная с криком ужаса: «Что случилось?»...

Был вечер памяти Ильи, очень хороший, замечательно говорил Клепиков, Андрей Смирнов⁷¹, хуже Финн⁷²... А я думал: почему я их не знал? Был так далек от этой среды? Даже на его сорокапятилетии, которое мы праздновали в доме творчества в Репино, не знал почти никого.

Слои его знакомых и даже друзей не пересекались – у него почти никогда не было дома. И это его беда.

И еще, что чувствуется на фото на билете⁷³. Он знал себе цену, верил в себя. Кто-то обижался: он не слышит, я, мол, его предупреждал... Нет, слышал, но имел свое мнение...

1.11.87. В мире разное. Иосиф Бродский получил Нобелевскую премию, стал 5-м лауреатом из России. Четыре из них – Бунин, Шолохов, Пастернак, Солженицын, и он – изгой.

Все странно и осознается непросто. Не очень давно Иосиф, Васька, Илья, я, Толя Найман сидели в «Октябрьской». Иосиф читал замечательные стихи: «Плывет караблик

негасимый у Александровского сада...» Голос его поднимался по спирали, вбежала горничная, испуганно закричала: «У вас что-то случилось?». Казалось, он не читает – поет. Об этом же говорил Соснора⁷⁴: «Триоле сказала (может, Брик?): Иосиф, Вы шаманите»⁷⁵. Она не понимала ни слова».

3.11. 86. Снова была передача об Илье. Его голос, его бормотание о человеке. Говорил, что его не интересует ничто – ни космос, ни что иное – человек самое сложное явление... Потом короткое его совмещение с Полуниным⁷⁶, клоуном, - два мастера. Какой приятный кадр.

Господи, из моего окружения эта потеря особенная, больше столь значительных нет! И особая обида, что он не застал этого обновления, сколь бы кратковременным оно не оказалось. Жаль!

22.3.91... Юри Туулик⁷⁷, очень милый человек и эстонский писатель, так рассказывает о Леннарте Мери, министре иностранных дел Эстонии, друге Ильи Авербаха и моем добром знакомом (я вел его вечер в Доме писателей, встречался в Таллинне, водил к Геннадию Гору).

К Мери приехал профессор и передал привет из Парижа от его знакомого.

- А этот старый педераст? – мягко пошутил будущий министр.

- Я не знаю педераст ли он, но он сказал, что он - ваш друг.

У Гора Леннарт Мери смотрел картины Панкова⁷⁸, был потрясен охристыми линиями неба, знаковостью и связью с японским искусством.

Помню, Гор торопливо соглашался, хотя сам об этом не думал. А ведь Мери был прав!

Я – Туулику:

- Юри, вы приобретаете самостоятельность, скоро отделитесь...

Туулик:

- Мы-то готовы, но ваши войска не спешат.

21.12.92. Вышел в двух театрах «Палоумыч» - смеются, но я недоволен. Лемке⁷⁹ не понял, что пьеса о любви – все превратил в буфф. Я представляю, как негодовал бы Илья Авербах, если бы увидел эту клоунату. Мне дурно становится от одной этой мысли.

30.12.96. Читаю Л.К. Чуковскую об Ахматовой – последний уже журнал. Очень здорово! Вдруг в комментариях увидел, что многие из названных людей умирали в возрасте меньше моего. И тут же вспомнил Илью Авербаха. 11.1. будет еще одна годовщина. Уже одиннадцать лет как нет его. Очень жалко! Мудрый, талантливый и очень близкий мне человек.

¹ В. Аксенов и Г. Гор – герои дневника отца (См.: Ласкин С. «Да, старик, тебе повезло как надо...» В. Аксенов в дневниках 1956-1989 годов. – «Знамя», №5, 2017; Ласкин С. «Гор сказал...» Г. Гор в дневниках 1964-1982 годов. – «Звезда», 2017, №10).

² Рязанцева Н.Б. (род. в 1938) – вторая жена Авербаха, киносценарист, автор сценариев почти двадцати поставленных фильмов, в том числе - «Личная жизнь Кузьева Валентина» И. Масленникова и Авербаха, «Чужие письма», «Голос» Авербаха.

³ Рязанцева Н. Не случайно, что главной героиней семидесятых стала женщина / Беседовал Д. Быков. - Новая газета. – 2000. – №1. - 10 января.

⁴ Лавров К.Ю. (1925-2007) – актер театра и кино, один из самых известных актеров БДТ эпохи Г.А. Товстоногова. В 1989 году, после смерти Товстоногова, был избран труппой художественным руководителем БДТ – и до конца жизни возглавлял этот театр.

⁵ Беломлинская В.И. (1937-2008) – писатель (псевдоним – Виктория Платова), жена художника М.С. Беломлинского, родилась и жила в Ленинграде, с 1989 года - в эмиграции в США.

⁶ Горенштейн Ф.Н. (1932-2002) – писатель, сценарист, драматург, автор романов «Псалом», «Место», сценариев фильмов «Солярис», «Раба любви», с 1980 года - в эмиграции в Германии.

⁷ Скаковский Ф.К. (род. 1932) – близкий друг Авербаха, В. Аксенова и отца, учился на параллельном с ними курсе, врач-фтизиатр, работал и жил в Сестрорецке под Ленинградом, сейчас живет в Германии.

⁸ Ким А. А. (род. 1939) – прозаик, автор романов «Белка», «Отец-лес», «Сбор грибов под музыку Баха» и др.

⁹ Радзинский Э.С. (род. 1936) – драматург, сценарист, телеведущий, автор пьес, известных по постановкам А.В. Эфроса и Г.А. Товстоногова.

¹⁰ Авербах А.Л. (1896-1966) – отец Авербаха, окончил экономический факультет ленинградского Технологического института, инженер, в юности играл в любительских спектаклях, затем пробовал себя в качестве актера на сцене Большого драматического театра в Ленинграде. Вторым браком женат на К.В. Куракиной (см. примечание 29).

¹¹ Глебова Т.А. (1894-1944) – актриса, танцовщица и теоретик свободного танца. В молодости брала уроки у Айседоры Дункан. Вторым браком была замужем за А.Л. Авербахом.

¹² Глебова Т.Н. (1900-1985) – художница, ученица П.Н. Филонова. Сотрудничала с детскими журналами «Чиж» и «Еж». С 1927 по 1933 годы жила в родительском доме своей приятельницы художницы А.И. Порет на Международном (Московском) проспекте в Ленинграде – одном из важнейших адресов творческих встреч этого времени.

¹³ Порет А.И. (1902-1984) – художница, ученица К.С. Петрова-Водкина и П.Н. Филонова. С 1926 года - член общества «Круг художников». Сотрудничала с детскими журналами «Чиж» и «Еж».

¹⁴ Каравайчук О.Н. (1927-2016) – композитор, музыкант-импровизатор, автор музыки к 150 фильмам, в том числе – «Драма из старинной жизни», «Монолог», «Чужие письма», поставленных Авербахом.

¹⁵ Бехтерев С.С. (1958-2008) - актер Малого драматического театра в Петербурге и кино.

¹⁶ Филатов Л.А. (1946-2003) – актер московского театра на Таганке и кино.

¹⁷ Малыщицкий В.А. (1940–2008) – режиссер, создатель «ленинградской Таганки» - Молодежного театра на Фонтанке, который он возглавлял с 1979 по 1983 годы. Впоследствии - основатель и режиссер «Театра-студии-1987» в Пушкине, Камерного театра Владимира Малыщицкого.

¹⁸ Карасик М.С. (1953-2017) – художник, искусствовед. Инициатор и идеолог жанра «книга художника» в России. Автор более восьмидесяти «книг художника».

¹⁹ Мери Л. (1929-2006) – писатель и государственный деятель, с 1990 по 1992 годы – министр иностранных дел, с 1992 по 2001 годы – президент Эстонии.

²⁰ 14 июля 1963 года «Правда» опубликовала «Открытое письмо ЦК КПСС к партийным организациям, ко всем коммунистам Советского Союза», в котором разъяснялась позиция по китайскому вопросу.

²¹ Договор подписан 5 августа 1963 года в Москве. Сторонами договора являлись СССР, США и Великобритания.

²² Во время и после учебы в институте Авербах пробовал себя как прозаик, поэт, журналист.

²³ Другое название - «Дева Мария». Рассказ был опубликован под названием «Мать» в еженедельнике «Неделя», а потом в книге отца «Боль других» (М., «Молодая гвардия», 1967).

²⁴ Имеется ввиду Центральное литературное объединение Ленинграда, которым руководил Г.С. Гор. В эти годы объединение посещали А.Г. Битов, В.Г. Попов, Б.Б. Вахтин, И.М. Ефимов, В.Р. Марамзин. Последние трое составили костяк литературной группы «Горожане». В январе 1965 года участники группы предложили в Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» сборник прозы «Горожане», который после обсуждения и рецензирования был отвергнут.

²⁵ Речь о повести «Боль других», которую отец считал юношеской «пробой сил».

²⁶ Коробов А.Н. (1934-2011) – инженер и литератор, опубликовал две книги («День нынешний, день завтрашний». – М., «Молодая гвардия», 1972; «Повести и рассказы». - Л., «Лениздат», 1977), с 1980 года – в эмиграции в США, одноклассник Авербаха по 181 ленинградской школе.

²⁷ Рецензия на повесть «Боль других» (журнал «Юность», 1965, №7-8).

²⁸ Раевский Б.М. (1920-1984) – автор многих книг для детей и подростков, товарищ отца. Жил в Петрограде-Ленинграде.

²⁹ Рассказ опубликован в книге «Боль других» (М., «Молодая гвардия», 1967).

³⁰ В это время отец начал писать роман «Художник и маляр» (впоследствии получивший название «Абсолютный слух»).

³¹ Рассказ «Поздний дебют» (первоначальное название – «Идиот»), посвященный судьбе актера-неудачника, вдруг приглашенного на роль князя Мышкина, опубликован в «Неделе», а потом в книгах «Эта чертова музыка» и «Голос».

³² Повесть опубликована в журнале «Юность», а затем в книге отца: «Чужое прошлое» (Л., «Советский писатель», 1981).

³³ Роман «Абсолютный слух» написан от имени главных героев - учительницы и журналиста. Как видно, правомочность этого приема они и обсуждали с Авербахом.

³⁴ Н.Б. Рязанцева.

³⁵ При закупорке желчного протока появляются боли по типу печеночной колики, желтуха, повышение температуры.

³⁶ Авербах М.И. (род. 1964). – дочь Авербаха от первого брака, окончила факультет иностранных языков, актриса, продюсер.

³⁷ Речь о готовившейся в издательстве «Советский писатель» книге Е.Л. Шварца «Живу беспокойно...», в которую вошли фрагменты его «Телефонной книги». Над этим изданием работала «отцовский» редактор – К.М. Успенская.

³⁸ Ф.К. Скаковский.

³⁹ Куракина К.В. (девичья фамилия - Стракач). (1903-1988) – мать Авербаха, актриса, снималась в немом кино, работала в разных коллективах Петрограда-Ленинграда - театре Пролеткульта, «Кривом зеркале», Новом театре (впоследствии – театре имени Ленсовета), Драматическом театре (впоследствии – театре имени В.Ф. Комиссаржевской). С 1956 года преподавала сценическую речь в ленинградском Театральном институте.

⁴⁰ Куракин Н.М. (1921 /?/ - 1987) - сводный брат Авербаха по матери, режиссер детской редакции Ленинградского телевидения.

⁴¹ Багров Я.Ю. (1930-2016) – ученый, доктор медицинских наук, товарищ Авербаха и отца. Был научным консультантом фильма «Монолог», снялся в этой картине в массовке в сцене ученого совета.

⁴² Я бы не решился оставить эту фразу в публикации, если бы Н.Б. Рязанцева сама не написала об этой ситуации: «С Ильей мы не разошлись, хотя я этого ждала в любую минуту... Это была новая, вполне платоническая эра нашей любви, двух свободных людей...» (Рязанцева Н. «Не говори маме». – М., «Время», 2005, с. 99).

⁴³ Герман А.Ю. (1938-2013) – кинорежиссер, товарищ Авербаха по работе на студии «Ленфильм».

⁴⁴ Отец написал сценарий фильма «На исходе лета» в соавторстве с драматургом Г.С. Рябкиным (1927-1992) (режиссер Р. Мурадян, Свердловская киностудия, 1979).

⁴⁵ Рацер Б.М. (1930-2012) и Константинов В.К. (1930-1996) - одни из самых плодотворных советских драматургов, писавшие в соавторстве.

⁴⁶ Рейн Е.Б. (род. 1935) – поэт. Посвятил Авербаху несколько стихотворений: «Я видел сон, где ты бесстрашно...», «Большая Подъяческая улица в Петербурге», «Второе мая. Памяти И. Авербаха».

⁴⁷ См. примечание 17.

⁴⁸ Аксенов В.П. (1932-2009) – писатель, однокурсник и товарищ отца (См. примечание 1).

⁴⁹ Найман А.Г. (род. в 1936) – писатель, поэт, мемуарист.

⁵⁰ Герасимов И.А. (1922-1991) – писатель, драматург, киносценарист.

⁵¹ Наринская Г.М. (род. 1942) – первая жена Е.Б. Рейна

⁵² Причина размолвки с Аксеновым неизвестна. Вместе с тем, по свидетельству первой жены Авербаха Э.К. Норкуте, все было не так однозначно, как пишет отец. После смерти Авербаха ей позвонила из Америки жена А.Н. Коробова (см. примечание 17) Серафима и сказала: «Мы тут сидим с Васей Аксеновым и плачем» (запись разговора от 15 мая 2017 года).

⁵³ Кунин В.В. (1927-2011) – писатель, сценарист. В соавторстве с В. Куниным отец написал сценарий фильма «Дела сердечные» (режиссер А. Ибрагимов, «Мосфильм», 1973).

⁵⁴ Ласкина О.А. (1926-2015) – врач, моя мать.

⁵⁵ Последний фильм Авербаха «На берегах пленительной Невы».

⁵⁶ Пиотровский Б.Б. (1908-1990) – ученый-археолог, академик, директор Эрмитажа. Отец был с Пиотровским в добрых отношениях – написал о нем очерк для журнала «Нева», вместе с ним ездил на раскопки в Армению.

⁵⁷ Речь о советско-мексиканской картине, которую было предложено снимать Авербаху. Обсуждалось, что прототипом главного героя будет Ю.В. Кнорозов, расшифровавший язык майя. Авербах ездил в Мексику, но от дальнейшей работы отказался.

- ⁵⁸ Галин А.М. (род. 1947) – драматург.
- ⁵⁹ Никельбург С.М. и Л.В. Бессонова - продавщицы «писательского отдела» ленинградской Лавки писателей.
- ⁶⁰ Подрядчикова М.И. (1923-2009) – ответственный секретарь ленинградского отделения Союза писателей СССР, с 1961 по 2003 – директор ленинградско-петербургской Лавки писателей.
- ⁶¹ Месхиев Д.Д. (1925-1983) - оператор, работал с Авербахом на фильмах «Драма из старинной жизни» и «Монолог».
- ⁶² Первая повесть отца была опубликована в журнале «Юность», 1965, №7-8.
- ⁶³ Передача Ленинградского телевидения (режиссер - А.П. Кривонос, сценаристы – Л.Ю. Аркус, О.Б. Будашевская, О.Л. Наруцкая, 1986).
- ⁶⁴ Аранович С.Д. (1934-1996) – кинорежиссер, товарищ Авербаха по «Ленфильму», соавтор сценария фильма «На берегах пленительной Невы».
- ⁶⁵ В течении долгого времени отец занимался историей пушкинской дуэли (См.: Ласкин С. Вокруг дуэли. – СПб., «Просвещение», 1993).
- ⁶⁶ См. примечание 43.
- ⁶⁷ Клепиков Ю.Н. (род. 1935) – киносценарист.
- ⁶⁸ «Драма из старинной жизни».
- ⁶⁹ Эпизод с бродягой-интеллигентом в фильме «Объяснение в любви» (его играл артист И. Макеев) после замечаний ГОСКИНО был частично переснят.
- ⁷⁰ Неточно: «А почему ты должен быть счастливым?» - слова Кардинала, обращенные к главному герою Гвидо Ансельми в фильме Ф. Феллини «Восемь с половиной». Как видно, в памяти отца реплика из фильма соединилась с фразой О.Э. Мандельштама, сказавшего жене: «А кто тебе сказал, что мы должны быть счастливыми, что ты должна быть счастлива».
- ⁷¹ Смирнов А.С. (род. 1941) – кинорежиссер, актер.
- ⁷² Финн П.К. (род. 1940) – киносценарист, автор сценариев более шестидесяти фильмов, в том числе – «Объяснение в любви». В 2017 году опубликовал книгу воспоминаний «Но кто мы и откуда» (М., издательство АСТ), одна из глав которой посвящена Авербаху.
- ⁷³ В дневник вклеен билет вечера в Доме кино.
- ⁷⁴ Соснора В.А. (род. 1936) – поэт.
- ⁷⁵ Скорее всего, эта фраза принадлежит Л.Ю. Брик, с которой Соснора был в дружеских отношениях.
- ⁷⁶ Полунин В.И. (род. 1955) – актер, режиссер, клоун, мим.
- ⁷⁷ Туулик Ю.К. (1940-2014) - эстонский прозаик и драматург, автор сборников рассказов «Заморское дело», «Сельский трагик», «Мужчины и собаки», сборника пьес «Комната оленьего рога».
- ⁷⁸ Панков К.Л. (1910-1942) – ненецкий художник, создатель «северного изобразительного искусства», был открыт Г.С. Гором. (См.: Гор Г.С. Ненецкий художник Константин Панков. – Л., 1968).
- ⁷⁹ Лемке Л.И. (1931-1996) – актер театра и кино, режиссер, с 1962 года до конца жизни – актер ленинградского театра Комедии, поставил две пьесы отца – «Акселераты» в театре Комедии и «Палоумыч» в ленинградском театре Ленинского комсомола – и сыграл в них центральные роли.